

О России с любовью

Читайте в серии:

ОЛЬГА, ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

•

ВЕНЕЦ ПРЯМИСЛАВЫ

•

ДВЕ ЖЕНЫ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА
И ДАРЫ ЗОЛОТОГО ЦАРСТВА

•

НАСЛЕДНИЦА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

•

ОЛЬГА, КНЯГИНЯ ВОИНСКОЙ УДАЧИ

•

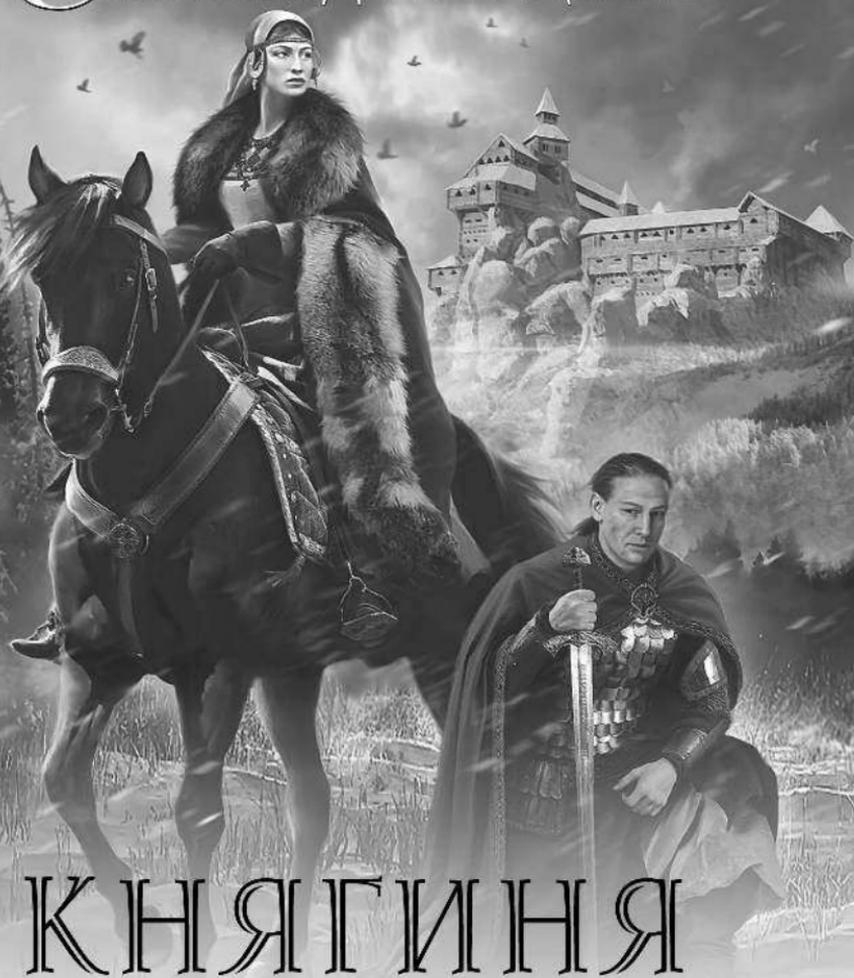
ГУННХИЛЬД, СЕВЕРНАЯ НЕВЕСТА

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА. ЗИМНИЙ ПРЕСТОЛ

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ
ОЛЬГА
ОГНЕННЫЕ ПТИЦЫ

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*
В оформлении обложки использована работа
художника *Владимира Нартова*

Дворецкая, Елизавета.
Д24 Княгиня Ольга. Огненные птицы / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-101087-4

Однажды утром древлянский парень Берест обнаружил на свежей могиле киевского князя Игоря десятки тел — то княгиня Ольга начала мстить убийцам мужа. Одним из первых нанес удар по земле древлян юный Лют, сын воеводы Свенельда. Потеряв всех родных, Берест вознамерился отомстить ему. Не раз еще в сражениях Древлянской войны пересекутся пути двух непримиримых противников — в борьбе за победу и за обладание мечом покойного Игоря, который жаждет заполучить его сын и наследник Святослав.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101087-4

© Дворецкая Е., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие

Елизавета Дворецкая шагает вглубь веков со своими героями. Не суетное настоящее и не покрытое туманами будущее её предмет, но прошлое, и прошлое не выдуманное, лишь расширенное с тактом, вкусом и мерой. Летописные герои — княгиня Ольга, сын её Святослав, приближённые — сыновья воеводы Свенельда — обретают жизнь и не по «хотению автора», а в соответствии с эпохой. Перед нами — роман не фантастический, но исторический, жизнь воссоздана с археологической точностью. Киевская земля, десятый век. Только что древляне убили князя Игоря (Ингвара, напоминает нам скрупулезный автор), его вдова Ольга — мстит. Не мстить не может — такова цена державы, у которой одна из главнейших скреп — честь.

«Огненные птицы» начинаются с нашей собственной «красной свадьбы» — посватавшегося к вдове киевского князя древлянского набольшего Маломира жестоко убивает сын воеводы Свенельда, Мистина. И дальше мы идём следом за двумя сторонами, киевской и древлянской, в полном соответствии с принципом «своей правды». Никто не вымазан дёгтем, никто не облачён в белые ризы. Жизнь такова, какова есть, и Елизавета Дворецкая не судит своих героев. «Бесценное русским сокровище честь, // Их клятва: «Да будет мне стыдно!» — слова А. К. Толстого в полной мере приложимы к героям Дворецкой.

Стиль книги не скатывается в архаику, но и не страдает излишней «модерновостью». Всё выверено, взвешено, неспешно в хорошем смысле, даёт вжиться и погрузиться в эпоху. И не просто вжиться — прожить, прочувствовать вкус слова, раздольного и богатого, как и сама Русская Земля.

Настоящий русский роман.

Ник Перумов

Часть первая

В последний миг Маломир все понял. На свою беду — уж лучше бы он ушел к дедам в светлый Вырей с тем чувством победного ликования, с каким пировал на свежей могиле врага. Без этого смертного ужаса. . .

Ингорева вдова, Ольга, сидела напротив Маломира — будто лебедь, вся в белом. Лицо ее, застывшее, бесстрастное, было почти таким же бледным, как обвинивший голову и шею белый шелковый убрус. Лишь отблески костра бросали красные пятна на ее одежду. Причитала она не много — ровно столько, сколько нужно по обычаю. Маломир и другие деревские нарочитые мужи, приглашенные киевской княгиней на поминальную страву по ее супругу, увидели в этом добрый знак: она оставляет в прошлом первое замужество и готова подумать о новом. Да и что ей остается: муж погиб, Киеву грозит война с Деревской землей, сын Ольги — еще отрок, да и сидит где-то на дальнем краю света. Свенельд, столько лет правивший на берегах Ужа, мертв. . .

В смерти Свенельда древляне были неповинны, и у Маломира, казалось бы, не имелось особых причин опасаться его старшего сына. Мистина Свенельдич и сейчас держался как друг — подсел к нему, сам наливал меда, взяв кувшин у кого-то из Ольгиных отроков. Длинным боевым ножом с белой костяной рукоятью доставал с блюда кусок жареного мяса, наколов на острие, подал Маломиру на куске хлеба, а киевский отрок, почтительно склонившись, держал перед ними солонку — да не простую, а из чистого серебра. По-

минальную страву готовят единую для живых и мертвых, но мертвые не употребляют соли, поэтому живые свою часть солят уже прямо перед едой. Ольга привезла из Киева целый воз дорогой посуды и утвари; деревские старейшины дивились, разглядывая поливные кувшины и расписные блюда — где олени, где птицы, где рыбы или даже пятнистый зверь пард. Серебряные, с позолотой, с резьбой, с самоцветами чаши и кубки — частью купленные у греков, но в большинстве взятые как добыча из Греческого царства еще десять лет назад. Вот как киевские князья живут, собирая дань с десятка племен и торгуя со всем белым светом! Разгорались глаза, невольно думалось: скоро все эти диковины Золотого царства будут наши. А какие припасы привезла Ингорева вдова! Бычка, свиней, овец, кур — без счета. Печеный хлеб, крупа для каши, мука для блинов — коробами. Пиво, стоялый мед и красное греческое вино — бочонками. И все это лилось рекой в подставленные кубки — древяне едва успевали опустошать их.

Мистина поднял кубок, тоже серебряный, навстречу кубку Маломира, снова предлагая выпить вместе. Кубок он держал в левой руке, а правой почти по-родственному приобнимал Маломира за плечи. Нарочитые мужи рядом уже тянули свадебную песню — в их мыслях свадьба Маломира с Ингоревой вдовой была совсем близка. Маломир отпил, опустил кубок, повернул голову к Мистине.

— Вот так.. — он с трудом собирался с мыслями, но хотел непременно сказать то, что вертелось в голове. — Подловили мы.. лебедь белую.. — Он кивнул на Ольгу.

Та подняла голову и посмотрела прямо на него, хотя едва ли могла слышать эти слова в нестройном шуме попойки.

— Верно же? — Маломир взглянул на Мистину. — Был ты мне раз сватом.. с Олеговной.. другой раз будешь..

— Истовое твое слово, — улыбнулся тот, и жесткое лицо его от улыбки сделалось ясным и привлекательным, будто солнце.

Лишь взгляд серых глаз, при огне почти черных, вдруг изменился. Из дружелюбного он стал сосредоточенным и безжалостным.

В этот миг Маломир все понял. Понял, что совершил ужасную, непоправимую ошибку, когда согласился пировать на этой страве по своему врагу. Когда сел на кошмы у подножия свежей могильной насыпи вместе с русами — уже второе поколение непримиримыми врагами деревского рода. Зеленая лужайка обернулась губительной топью, но ты уже по плечи в ней и не то что выбраться — крикнуть не сумеешь.

Но сделать он ничего не успел. Не сумел даже увидеть, как кубок Мистины покатился по земле, а его место в руке занял скрамасакс с рукоятью белой кости. Лишь ощутил сильный удар под дых, но не понял, что удар нанесен клинком. В глазах потемнело, и вместе с пронзительной болью навалилась черная бездна. Тьма поглотила лицо Мистины с безжалостной сосредоточенностью в глазах. Тот смотрел уже отстраненно: не как на живого человека, как на бревно или камень под ногами.

Свенельдич-старший выдернул нож, и Маломир свалился лицом вниз ему под ноги, прямо на блюдо с остатками жертвенного мяса. Пение смолкло, со всех сторон зазвучали крики. Мистина вскинул правую руку и ловко подхватил в воздухе рукоять меча, брошенного ему отроком-оружничим, — мечи и секиры были в последней бочке вместо пива, и он сам неприметно подал знак, что пора ее вскрывать. И тут же обрушил клинок на шею еще кого-то из древлян, сидевшего с другой стороны. Кровь потекла по кошмам, красные лужи стали расплзаться между блюдами, упавшими кубками, краями хлеба, полуобглоданными костями.

Древляне почти не сопротивлялись: уже сильно пьяные, объевшиеся, ословелые, они не имели при себе оружия, кроме коротких поясных ножей. Иные уже дремали, привалившись к плечу соседа или прикорнув на земле; клинок секиры в руках Ольгиных отроков или меч кого-то из телохранителей

Мистины делали их сон вечным. Другие, едва успев вскинуть голову, привстать, получали лезвием по незащищенному черепу, по шее, по плечам. Умирали, даже не успев понять, что происходит.

Перепрыгивая через мертвых и умирающих, русы без задержки обрушивались на нового врага. Числом они уступали древлянам более чем втрое — Маломира сопровождали около полусотни деревских нарочитых мужей с родичами, а Ольга привезла неполных два десятка отроков, чтобы служить им на пиру. С Мистиной было четверо оружников-телохранителей — мужчине такого рода и положения не к лицу показываться без них. И вот уже у них, трезвых и стремительных, оказалось у каждого на счету по двое-трое убитых древлян..

Среди кровавого буйства Ольга оставалась неподвижной — сидела на прежнем месте, сложив руки на коленях, лишь прикрывала глаза, когда клинок пронесся вблизи ее головы или чье-то тело падало пообок. И думала: если я сейчас умру, то буду знать, что исполнила свой долг. Без стыда взгляну Ингвару в глаза.. Страха не было. Главный страх — что гибель мужа приведет к скорому крушению всей созданной их браком державы, оставит ее сына без наследия, погубит славу и завоевания предшественников — привел ее сюда. И вот она сумела нанести удар. Отомстила за мужа, спасла честь рода. С этим не стыдно умирать. А для дальнейшего у нее есть сын. Святославу тринадцать — он уже мужчина и получил меч.

Мистина заранее велел Эльге во время боя оставаться на месте, чтобы случайно не попасть кому-нибудь под руку. Поначалу он настаивал, чтобы она ушла от могильной насыпи до того, как все начнется, но она отказалась.

— Если я исчезну с глаз, древляне насторожатся. Пока я среди них, они будут спокойно пить и радоваться победе. И я.. я хочу видеть, как мой муж будет отомщен.

Она сказала это твердо, как о чем-то, хорошо продуманном, и Мистина не стал спорить. Он боялся за нее, но сей-

час не смел возражать. Только-только она вернула ему часть прежнего доверия, и оно казалось ему слабым и хрупким, как едва проклюнувшийся огонек на полоске бересты, раздутый из искры. Она хотя бы снова верит, что он на ее стороне. Пусть будет как она хочет.

— Я не могу этого сделать сама, — она взглянула на него почти с мольбой. — Но я хочу видеть, как это сделаете вы...

«Это сделаешь ты», — говорил ее взгляд. И то, что она доверила его рукам их общую месть, Мистина принимал как величайшую награду. Вручи она теперь ему всю дань деревскую — это пыль перед этим священным правом.

— Будь по-твоему, — Мистина склонил голову. — И ты не с чужих слов будешь знать, что я...

«Что я не предатель», — хотел он сказать, но не мог вымолвить это слово. Как будто, услышав его, Эльга еще могла передумать.

Вдруг еще одна женщина, тоже одетая в белое, с криком бросилась к ногам Эльги. Она не смела поднять головы и прижималась лицом к подолу киевской княгини, будто дитя, прячущееся в коленях матери. Впервые шевельнувшись, Эльга положила руку ей на плечо. Не то пытаясь удержать на месте, не то обещая: если мы умрем, то умрем вместе. Это была ее внучатая племянница, Предслава Олеговна, княгиня деревская. Ее муж, Володислав, оставался с детьми в Искоростене, а она приехала с его дядей и соправителем, Маломиром, на эту страву по Ингвару: он приходился родным братом ее матери. Восемь лет назад брак Предславы с Володиславом был заключен в надежде на мир между русью и древлянами. И вот к чему привели все усилия: Ингвар мертв, Маломир тоже, и само небо кровавым дождем падало на голову двадцатидвухлетней княгини.

Когда Предславу подняли, уже все было кончено. Стихли крики и предсмертные вопли, треск посуды под ногами. Везде вокруг могильной насыпи вповалку лежали тела в на-

рядной крашеной одежде. Деревские передние мужи оделись в лучшее ради торжества над своим врагом, а теперь предстанут в этом перед госпожой Нави — Мареной и могучим Трояном-Волосом, супругом ее. Кияне Ольгиной дружины явились сюда в белой «печальной» одежде, и теперь эта белизна у каждого, не исключая и женщин, оказалась густо окрашена деревской кровью.

— Славуня, вставай! — Эльга обняла Предславу, не давая ей вновь упасть: бедняжку не держали ноги. — Опомнись! Все кончено! Эй, дайте кто-нибудь воды! Причитать некогда, ехать пора! Потом поплачешь. В седле сможешь держаться? Или найти кого, чтобы тебя везли?

Один из оружников Мистины с готовностью сделал шаг вперед: датчанин Алдан ждал поблизости на случай, если младшей из двух княгинь понадобится помощь.

— Нет, я не поеду с вами! — Предслава говорила с трудом, подавляя рыдания и судорожно сглатывая. Дикое потрясение не давало ей даже заплакать. — Куда же я... мне домой надо... в Искоростень...

— Ты хочешь вернуться? — Эльга нахмурилась. — К чему? Ты теперь будешь им кровным врагом. Поедем со мной, тебе же безопаснее.

— А дети? — Предслава отчасти взяла себя в руки и взглянула ей в лицо. — Они же дома остались! Куда я от них уеду! Что с ними будет без меня!

«А что будет с ними и с тобой?» — мысленно ответила Эльга и вопросительно взглянула на Мистину.

Он как раз подошел к ним: меч его уже был вытерт и убран в ножны на плечевом ремне. Белый кафтан от крови стал черно-красным: первое пятно от той струи, что упала ему на грудь, когда он выдернул клинок из груди Маломира, уже скрылось под новыми потеками и брызгами. Лицо его без слов говорило: медлить нельзя. Малой княгининой дружине предстояло сделать два конных перехода по чужой враждебной земле.

— Она не хочет ехать! — сказала ему Эльга. — Но как я могу ее здесь оставить?

— Она — их княгиня, и муж ее жив, — напомнил Мистина. — И если она не хочет ехать... Прикажи, и она уедет, — он кивнул и взглянул на стоявшего вблизи Алдана.

— Нет, не неволь меня, я должна вернуться к детям! — Предслава умоляюще вцепилась в руку Эльги.

У нее стучали зубы: она еще не осознала всех возможных последствий избоища на страве, но стремление быть с детьми и оберегать их побеждало и ужас, и разум.

Мистина сделал Эльге знак глазами: лучше заберем ее, хотел он сказать, и Эльга с облегчением отметила, что вновь понимает его без слов. Будто и не было этой разлуки, когда он поневоле сидел в Деревской земле и даже делал вид, будто держит руку ее мятежных владык, а она напрасно ждала его в Киеве, не в силах опровергнуть наветы.

— К чему неволить! — Эльга вздохнула. — Всякому своя судьба. Если ты уверена... Но пойми! — Она взяла Предславу за плечи. — Если мы сейчас разойдемся, я больше ничего не смогу для тебя сделать, никак помочь, пока...

— Пусть! Но я сама в Киеве умру, если буду знать, что чада мои там одни среди чужих...

— Поехали! — Мистина взял Эльгу за локоть, собираясь вести с могильной насыпи к лошадям. — Время дорого.

Эльга обняла Предславу на прощание, Мистина бегло поцеловал ее — до замужества Предслава росла в доме его отца. Но мысли его уже были от нее далеко: она выбрала свою дорогу, а ему предстоял еще долгий путь по своей.

Мистина увел Эльгу, посадил в седло. Его и Эльгины отроки спешно рассаживались по коням, перекрикивались десятские, проверяя своих людей и докладывая о готовности в путь.

Предслава одна осталась близ свежей насыпи. Из живых — одна. Она стояла, бессильно уронив руки и глядя вслед быстро удалявшейся дружине. Вскоре киян поглотила ночная

тьма, и лишь грохот копыт еще отдавался над лугом, на дороге вдоль речки Иржи. Но вот затих и он, и наступила тишина. Будто сама жизнь умчалась прочь от нее. Навеки...

Из сотни дышащих, говорящих, поющих, смеющихся людей осталась лишь Предслава. Не верилось, что совсем недавно, в сумерках, здесь звучали голоса, звенели кубки, рокотали струны гуслей и смыков. Полсотни мертвецов усеивали землю вокруг нее, и она не знала, как выйти из их кольца, ни на кого не наступив. Мертвецы будто взяли ее в полон, и ей хотелось кричать вслед уехавшим, молить, чтобы вывели ее из этого жуткого круга.

Но поздно кричать. Она выбрала свою судьбу. Как и Маломир, когда вздумал свататься к вдове погубленного его руками Ингоря киевского. Как вся земля Деревская, что надеялась этим убийством вернуть давно утраченную свободу.

Эти реки крови, что стекли на свежую могильную землю, пролил лишь первый взмах киевского меча. Вслед за ним поднимаются еще тысячи клинков, и удара их не отвратить никому...

* * *

Младший сын Свенельда, Лют, плохие новости узнал в Витичеве. Еще на пристани, пока люди выгружались из лодий, здороваясь с Тормаровыми отроками, он заметил: местные как-то странно на него поглядывают. Кто-то из здешних оживленно что-то рассказывал прямо у сходней — слышались изумленные восклицания. Лют хотел подойти, но Кручай, Тормаров тиун, тронул его за плечо:

— А ты, Свенельдич, к боярину ступай. Велел сразу, как с лодьи сойдешь, к нему идти.

Лют обернулся и увидел Бернишу — одного из Тормаровых телохранителей. Тот кивнул, приветствуя его, и знаком показал: пойдём.

Встречные тарасили на него глаза — не то удивленно, не то опасно. Под этими взглядами Лют невольно чувствовал

себя выходцем с того света. Так, бывает, встречаются чужаков в разных глухих углах, но не в Витичеве же — крепости, где живет половина большой княжеской дружины и где купеческие обозы в Царьград и Самкрай проходят по шесть раз в год!

— У меня что, хвост вырос? — пробовал пошутить Лют, но Берниша не засмеялся, а только покрутил головой.

Все это было очень странно. Никто даже не спросил у него о новостях Греческого царства, как обычно бывает, когда царьградский обоз возвращается сперва в Витичев, а потом в Киев. Оглянувшись от ворот, Лют увидел на пристани у лодий своих спутников-купцов: они стояли кружком и слушали, о чем им повествует Кручай. Вместо того чтобы самим рассказывать, как там Царьград, как Болгарское царство, как уличи, печенеги, как прошли пороги, что купили да почем... «Не окрестился там? Невесту себе не раздобыл за морем? — шутили спрашивали его в последние года два. — Дочерей царевых не видал?» Сегодня не спрашивали ни о чем.

Воевода Тормар ждал в гриднице. Его, одного из ближайших приятелей отца, Лют знал с раннего детства, и хотя княжья служба развела бояр — одного к древлянам на запад, другого в крепость на юг от Киева, — тем не менее они виделись несколько раз в год: на пирах у князя или когда случался поход. Тормар, сын Руалда, одного из бояр Олега Вещего, рослый мужчина, был украшением и ратного поля, и княжеских пиров — с ясным лицом, густыми, красиво лежащими русыми волосами и такой же густой, окладистой, но рыжей бородой. Немного близко посаженные глаза придавали ему озабоченный вид. И в волосах, и в бороде его уже белела седина, но Лют, привыкший к нему с детства, заметил ее только сейчас. Наверное, потому, что серые глаза воеводы смотрели на него с непривычной суровостью.

— Будь жив, Свенельдич! — Тормар встал, сделал несколько шагов ему навстречу и обнял.